

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Сергей Григорьев

**МАЛАХОВ
КУРГАН**

Школьная библиотека (Детская литература)

Сергей Григорьев

Малахов курган

Издательство «Детская литература»

2012

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)-44

Григорьев С. Т.

Малахов курган / С. Т. Григорьев — Издательство «Детская литература», 2012 — (Школьная библиотека (Детская литература))

В исторической повести «Малахов курган» Сергея Тимофеевича Григорьева описаны события обороны Севастополя в 1854–1855 годах, во время Крымской войны. Город был осажден с суши и моря совместными военными контингентами Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства, во много раз превосходившими силы русской армии и флота в Крыму. Автор создал героические образы адмиралов Корнилова, Нахимова, Истомина, сражавшихся рядом с офицерами, матросами и простыми жителями города и погибших в боях. Участники Севастопольской обороны навеки покрыли себя неувядаемой славой. Центральный образ в книге – девятилетний юнга Веня, храбро сражавшийся на бастионе рядом с матросами во время осады города. Для среднего школьного возраста.

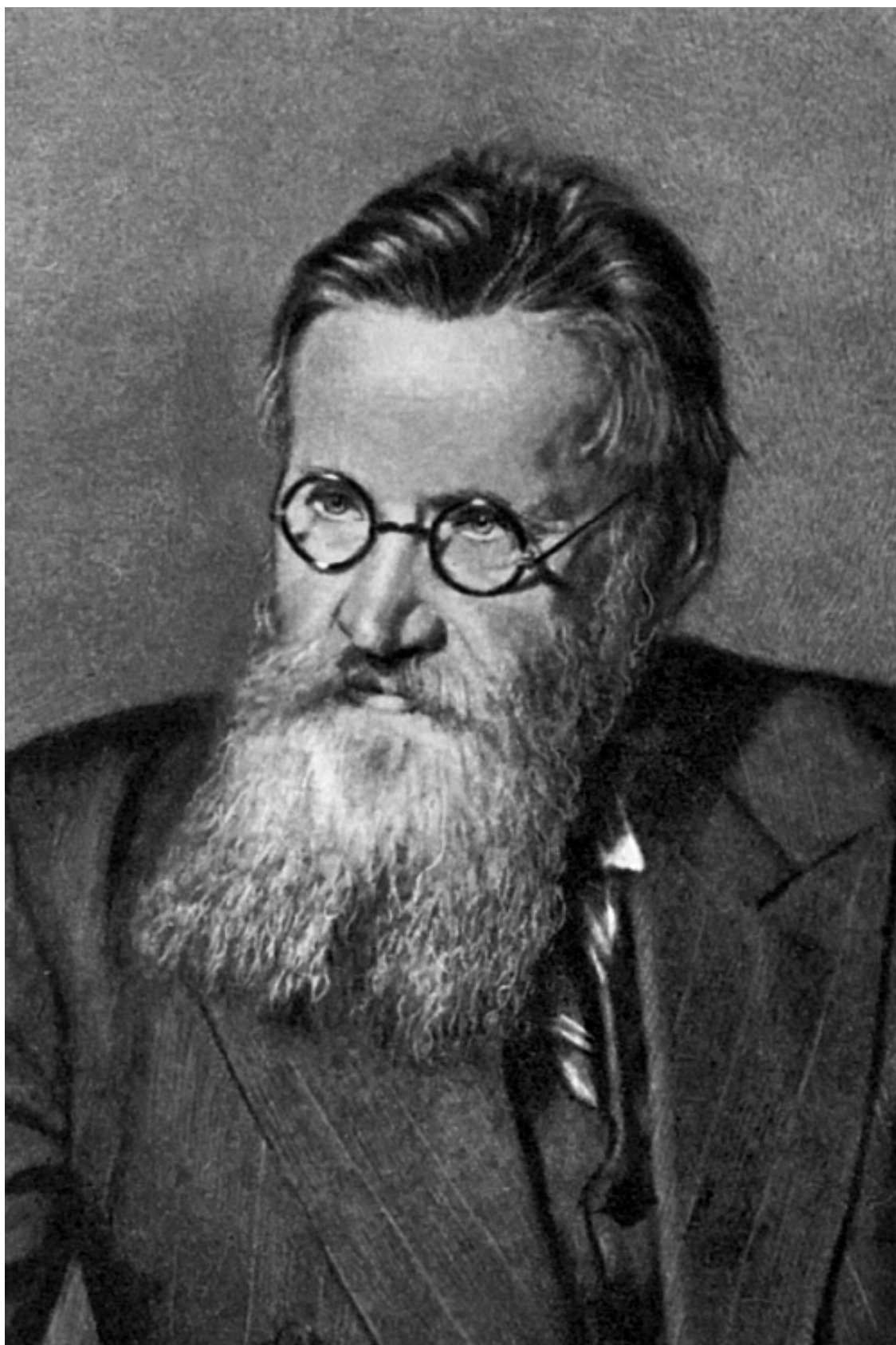
УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)-44

© Григорьев С. Т., 2012
© Издательство «Детская литература», 2012

Содержание

Сергей Тимофеевич Григорьев[1]	8
Малахов курган	11
Глава первая	12
Черная туча	12
Самый маленький	15
Первая победа	17
Крутой бейдевинд	20
Огонь в кюйт-камере	22
Высадка неприятеля	24
Четыре сундука	26
Шквал	28
Глава вторая	30
Бомба	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Тимофеевич Григорьев
Малахов курган
Повесть

Сергей Григорьев

1875–1953

Сергей Тимофеевич Григорьев¹ (1875–1953)

Замечательный русский детский писатель Сергей Тимофеевич Григорьев внес значительный вклад в литературу для детей и юношества. Первую свою книжку для детей он написал в 1923 году, и последние тридцать лет его жизни были без остатка отданы детскому читателю.

Сергей Тимофеевич был добрейшим человеком. А к тем, для кого он писал книги, – к детям, – испытывал самую нежную привязанность, интерес и верную, постоянную любовь. Об этом свидетельствуют его жизнь, его произведения.

В детскую литературу Григорьев вступил не молодым начинающим литератором, а зрелым человеком. За его плечами стоял уже большой жизненный и литературный опыт.

Сергей Григорьев родился на берегу Волги, в городе Сызрани. Большая река, с пароходами, баржами, плотами, навсегда запомнилась писателю; он воскрешал знакомые места во многих своих книгах. Сергей Григорьев собирался стать инженером, поступил в институт в Петербурге. Но вскоре его увлекло студенческое революционное движение. Спасаясь от ареста, он уехал из Петербурга и инженером так и не стал.

Стал Сергей Тимофеевич литератором, к чему имел склонность с юных лет. Как это часто бывает, он начал писать стихи, а в 1899 году в «Самарской газете» напечатал свой первый рассказ. И – удивительное дело! – этот первый рассказ Григорьева был о детях...

Много лет Сергей Григорьев вел жизнь провинциального журналиста-газетчика. Жизнь эта была несладкой. Его острые статьи, направленные против купцов, местного начальства, запрещались цензурой; на газеты, где он печатался, накладывались штрафы или их закрывали. Сергею Тимофеевичу приходилось испытывать нужду, переезжать из города в город.

Годы революции и Гражданской войны Сергей Григорьев провел большей частью в Поволжье, в Саратове, а в 1920 году переехал в Москву. За это время он переменял множество работ – и литературных и нелитературных. Только в конце 1922 года Сергей Тимофеевич поселился в небольшом подмосковном городке Загорске (ныне Сергиев Посад) и там решил целиком отдаться тому, о чем мечтал еще в юности, – литературе.

В 1923 году Сергей Григорьев опубликовал рассказ «Красный бакен». Это был рассказ о детях, и написан он был для детей.

Первые книги нового детского писателя были созданы по свежим впечатлениям только что закончившейся Гражданской войны. В книгах «Красный бакен», «Белый враг», «Паровоз Эт-5324», «С мешком за смертью» и «Тайна Ани Гай» рассказывалось о жестоких испытаниях войны, о судьбах детей и подростков, захваченных водоворотом битв и разрухи.

Одна из самых известных книг Сергея Григорьева – повесть «Малахов курган», написанная в 1940 году. Она посвящена знаменитой Севастопольской обороне (1854–1855). События ее изложены с исторической точностью и обстоятельностью. И в соответствии с историей в ней выведены образы знаменитых флотоводцев, которые сумели объединить русских солдат и матросов для защиты города от превосходящего по силе врага. Среди этих исторических персонажей наибольшее внимание привлекает необыкновенная личность адмирала Павла Степановича Нахимова. Величие этого знаменитого адмирала автор видит не столько в его известных победах, сколько в самом характере этого человека, его уважительном отношении и заботе о простых людях России, в том, что основой флота он считал не корабли, а людей, на этих кораблях служащих. И не блестящих офицеров из знатных дворянских семей, а матросов, которые тянули лямку трудной флотской службы почти от отроческих лет до седин...

¹ Статья печатается с сокращениями.

И все же, несмотря на значительное место, которое занимает в повести образ адмирала Нахимова, в центре произведения писателя не адмирал, не сам флот, а большая и дружная матросская семья Андрея Могученко.

Жизнь матросов тех времен была особой. Матросы, которым предстояло служить всю жизнь, обзаводились в Севастополе семьями, а их сыновья, как правило, тоже шли во флот, становясь потомственными моряками. Такой была и семья Могученко.

Сергей Григорьев с большой любовью всматривается в жизнь этой семьи, создает образ Андрея Могученко, любимца Нахимова, его жены, сыновей и дочерей. И среди них писателя больше всего привлекают характер и судьба Вени – младшего сына Могученко, храброго и умного мальчика, ставшего не просто свидетелем, но активным участником великой Севастопольской обороны.

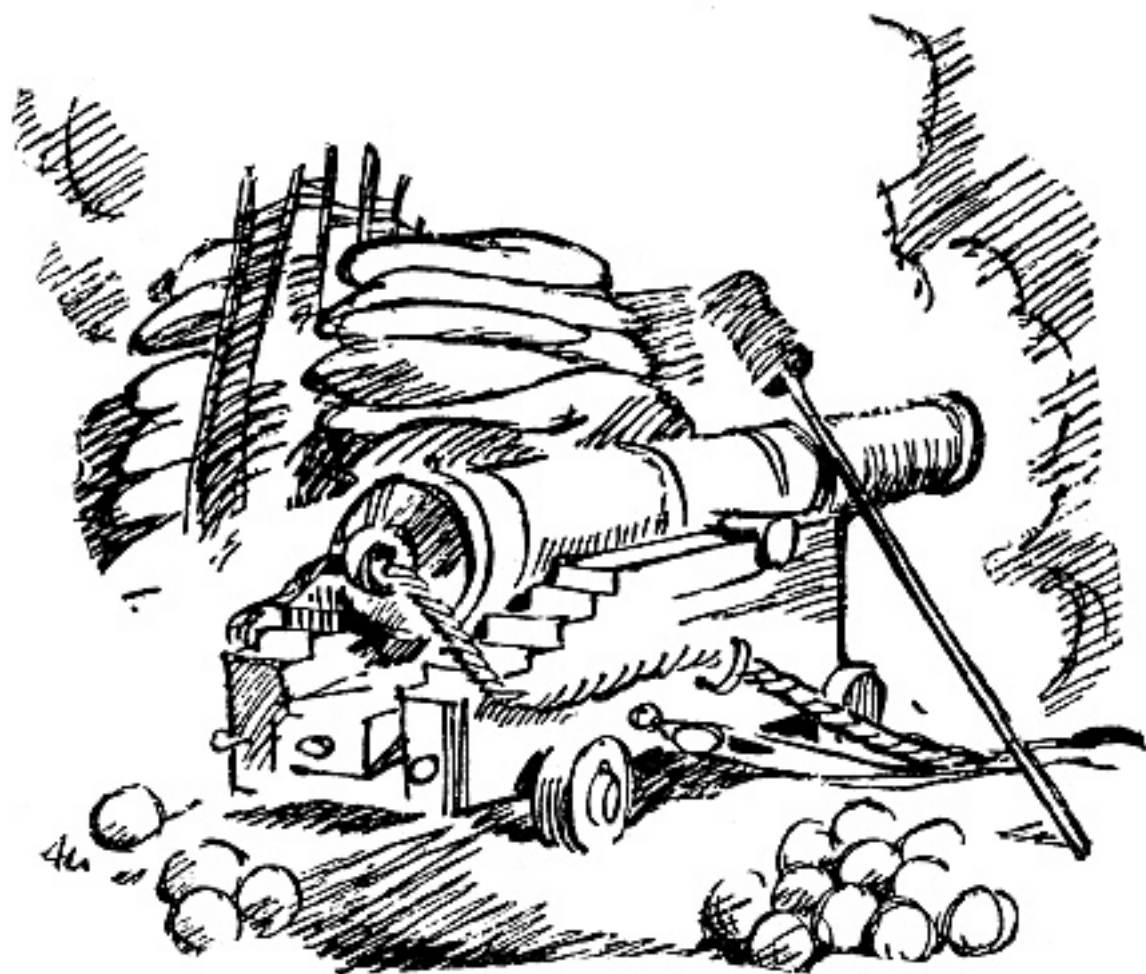
Особенностью обороны Севастополя в 1854–1855 годах было то, что город обороняли не только солдаты и матросы, но и все население города. В Севастополе тогда было 42 тысячи человек, из них 7 тысяч – женщин. И как об этом рассказывали и писали очевидцы, все население морской крепости так или иначе принимало участие в защите города. Кто был в силах, возводил редуты и рыл траншеи, восстанавливал укрепления после ожесточенных бомбардировок. Матросские жены и дочери самоотверженно вытаскивали из огня раненых, работали в госпиталях.

... Сергей Григорьев написал «Малахов курган» за два года до того, как советские люди во время Великой Отечественной войны, в 1941–1942 годах, повторили подвиг, совершенный защитниками Севастополя почти сто лет назад. Естественно, писатель не мог знать о том, что враг снова будет штурмовать крепость на Черном море. Но жизнь осажденного города в 1854–1855 годах, ежедневное и постоянное мужество его защитников описаны с такой тщательностью, знанием и вниманием, что нам, читателям, очень трудно не сопоставлять исторические события, разделенные целым столетием.

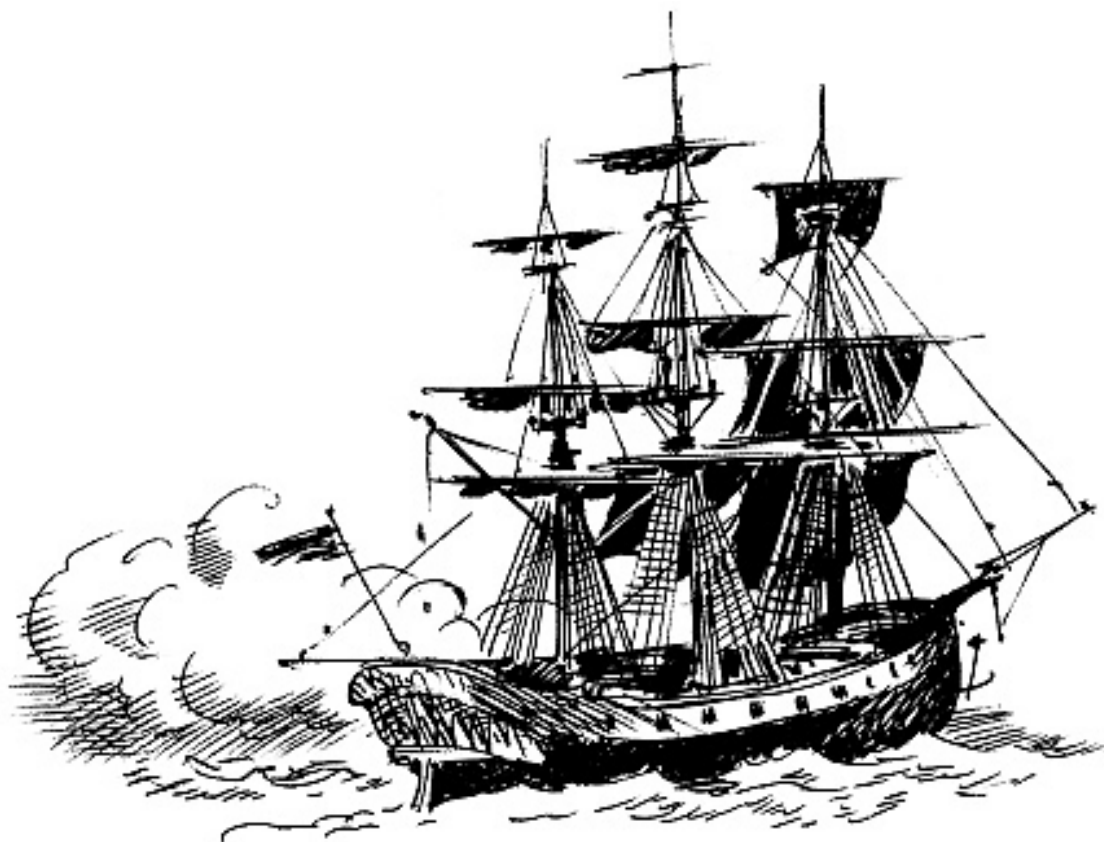
Оборона Севастополя была жестокой и кровавой битвой, которая продолжалась не день, не два, а много месяцев. И Сергей Григорьев показывает, что даже в самых трудных испытаниях люди остаются людьми. Рядом со смертью соседствует любовь, кроме похорон происходят свадьбы, дети ухитряются играть на улицах, где только что рвались вражеские бомбы... Война становится бытом. Только это такой быт, в котором очень отчетливо, очень ярко проявляются человеческие характеры, нравственные качества людей. Повествование о том, как ведут себя люди во время великих и трагических эпох, делает «Малахов курган» не только историческим произведением. Оно важно для каждого читателя, думающего о современности.

Время – главный судья каждого писателя. Часто бывает, что со смертью автора кончается и жизнь его книг. А бывает, что книги продолжают жить. Живут, не стоят на книжных полках и книги Сергея Григорьева.

Лев Разгон

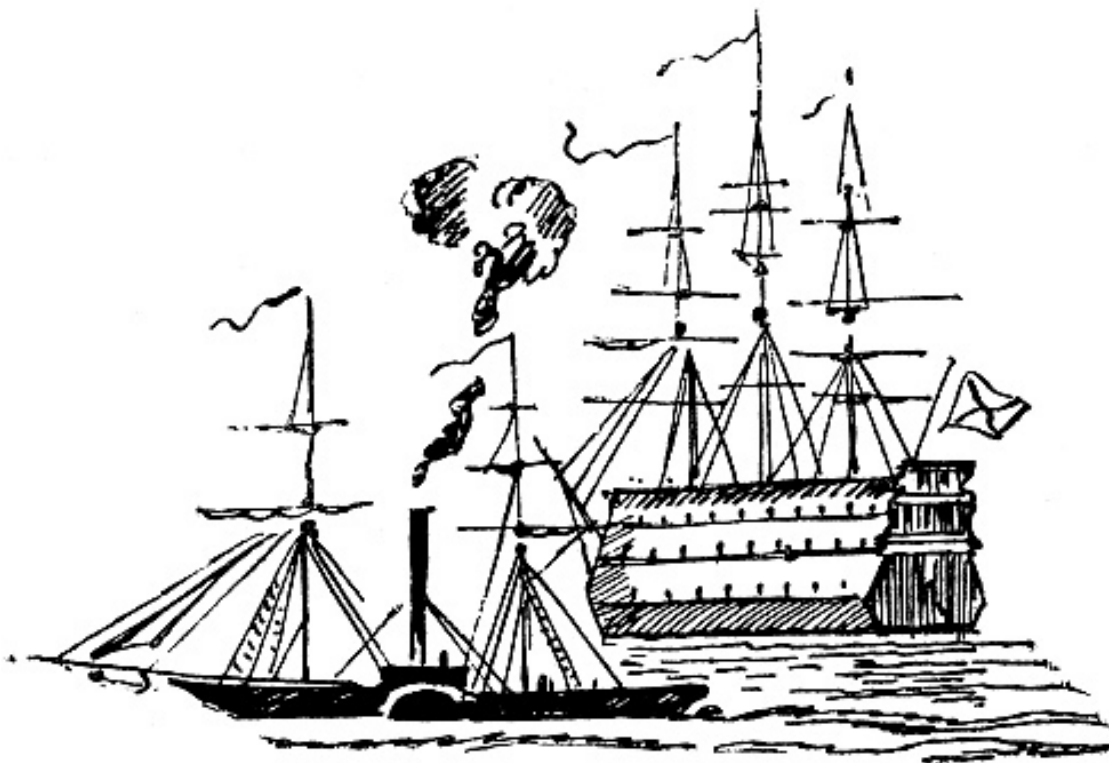

Малахов курган

Глава первая

Черная туча

Веня стоял, держась за трубу, на красной черепичной крыше отцовского дома и смотрел в сторону моря.

Сизовато-черное облако левее мыса Улукул, на норд-норд-ост² от входа в Севастопольский залив³ двигалось вправо, рассеивалось и пропадало. Больше ничего на море не было. О том, что появилось дымное облако над морем, Веня доложил сестре Наташе, спрыгнув с крыши.

Наташа даже не ахнула и не подняла взгляда от кружевной подушки. Перебирая ловкими пальцами коклюшки⁴, она только кивнула, а потом сказала:

– А еще что? Погляди еще.

Наташу ничем не удивишь, не рассердишь. Вот если бы дома была Маринка, она сейчас же полезла бы с Веней на крышу и заспорила с ним до драки. Она, наверное, увидит в дымной туче на краю неба паруса и трубы пароходов и скажет, пожалуй, сколько в эскадре⁵ вымпелов⁶. А если первым парус увидит Веня, то Маринка начнет смеяться и скажет, что эта

² *Норд-норд-ост* – север-северо-восток.

³ *Севастопольский залив* – залив в Черном море, у берегов Крыма (Украина), занимает большую акваторию, удобную для расположения морской базы и порта. На берегах его находится г. Севастополь – военно-морской порт. Основан на месте античного Херсонеса в 1783 г. как порт-крепость.

⁴ *Коклюшка* – палочка для плетения кружев.

⁵ *Эскадра* – крупное соединение военных кораблей различных классов.

⁶ *Вымпел* – узкий длинный флаг на мачте военного судна.

черная туча – даже и не туча, а «просто так», осенняя темень, быть крепкому ветру. В сентябре бывает: вот сейчас жарко и солнце палит жестоко с ясного неба, а с ветром, откуда ни возьми, полетит холодный дождь. Маринки нет дома: ранее раннего в парусную⁷ ушла. Все сегодня и спали плохо, и проснулись раньше, чем всегда. Батенька из своего бокала чаю не допил, накрыл крышкой, вздохнул: «Что-то будет?...» – и ушел в штаб на службу. Почему он нынче при медалях? Маменька с сестрицей Хоней ни свет ни заря затеяли такую стирку, какая бывает только раз в году, перед светлым праздником⁸. Настирали кучу и унесли двуручную корзину полоскать. И, поднимая тяжесть, тоже вздохнули:

– Что-то будет?...

– Ох, что будет-то, милые! – ответила на ходу сестрице и матери Ольга, убегая вслед за Маринкой с куском хлеба, завернутым в платочек.

Веня побежал было за ней, спрашивая:

– Что будет, Ольга, скажи?

– Что будет, то и будет.

– Да ты куда?

– Куда надо.

– А куда надо?

– Тебе надо дома сидеть!

– А тебе?

– Мне?! – Только хвостом вильнула.

Веня остался дома с Наташей. Ее не допросишься, ей самой только подавай новости: «А еще что?!»

И товарищи все убежали на Графскую пристань, на бульвар, на рейд⁹: узнать, что там на флоте делается. Вот там все известно! А отсюда, с крыши, Веня видит только верхушки мачт с ленивыми змеями длинных вымпелов. Веня пытается найти мачты корабля «Три святителя»: на нем держит свой вымпел командующий эскадрой вице-адмирал¹⁰ Нахимов¹¹. Вот уж этот все знает: и что было, и что есть, и что будет. А если он знает, значит, и брат Миша знает. «У Нахимова, братишка, матросы все и каждый должны знать, что и как», – говорил Вене, прощаясь, брат Михаил. Только теперь долго Мишу на берег не пустят.

Веня, пригорюнясь, сидел на коньке¹² крыши, обняв колени. Внизу скрипнула дверь. На двор вышла Наташа, глянула из-под руки на море, потом на крышу и негромко спросила:

– Еще что видно, Веня? Видишь что?

– Вижу, да не скажу! – ответил мальчик.

Наташа усмехнулась и ушла в дом.

Веня не солгал. Он, и верно, кое-что увидел. В большой бухте на одной из мачт – сигнал «приготовительный старшего на рейде», требующий внимания всех кораблей: «Сейчас подам команду!»

Мачту заволокло клубами черного дыма. У Вени ёкнуло сердце: пароходы поднимают пары. Наверное, сейчас флагман¹³ подаст сигнал выйти в море навстречу неприятелю. И, уж

⁷ *Парусная* – мастерская по пошиву парусов.

⁸ *Светлый праздник* – Пасха Христова. Празднуется весной.

⁹ *Рейд* – место в море перед гаванью, где стоят суда, прибывшие в порт.

¹⁰ *Вице-адмирал*. – Высшим воинским званием во флоте было звание адмирала. В русском флоте были три звания (по восходящей): контр-адмирал, вице-адмирал, адмирал.

¹¹ *Нахимов* Павел Степанович (1802–1855) – русский флотоводец, адмирал. В Крымскую войну, командуя эскадрой, разгромил турецкий флот в Синопском сражении (1853). В 1854–1855 гг. успешно руководил героической обороной Севастополя. Смертельно ранен в бою.

¹² *Конёк* – резное деревянное украшение на крыше избы, иногда в виде конской головы.

¹³ *Флагман* – командующий соединением военных кораблей; крупный военный корабль, на котором находится командующий эскадрой.

конечно, пароход «Владимир» возьмет на буксир флагманский корабль и первый выйдет из бухты. На «Владимире» машинным юнгой – Трифон. Он все увидит раньше Вени, а много ли он старше?! Вечор за ужином Трифон важничал, разговаривая с батенькой, словно большой:

– Мы антрацит¹⁴ приняли. Вот беда!

– А что же?

– Да антрацитом очень долго пары поднимать. С ним намаешься!

¹⁴ *Антрацит* – лучший сорт каменного угля.

Самый маленький

Ах, до чего это обидно – быть самым маленьким среди больших! То ласкают, зализывают, словно кошка слепого котенка. «Ты наш маленький, самый маленький! Не обижайте, братцы, сестрицы, младшенького! – учит старших мать. – Он у нас последний!» А то разгневается, зашипит гусыней и сама пнет: «Последыш! Да скоро ли ты вырастешь!..»

Сидя на крыше, Веня бурчит сердито:

– А вот вам назло и не буду расти! Так и останусь маленьким. Поцацкаетесь еще со мной! Плакать не стану!

Стоит ли плакать на ветер! Слез никто не увидит. Плача никто не услышит. Не стоит плакать.

Ветер согнал пароходный дым вправо, в долину речки Черной. Веня опять увидел мачту флагманского корабля. Семафор¹⁵ два раза отбил букву «А»...

– «Аз! Аз!» – повторил Веня сигнал. – «Понял, ясно вижу». Что же он там видит?!

Веня осмотрелся. На вышке морской библиотеки стоят двое. Один положил зрительную трубу на парапет, склонился к ней и смотрит не отрываясь в море. Другой ему что-то указывает рукой вдаль. «Должно быть, сам Владимир Алексеич Корнилов¹⁶», – решил Веня.

– Значит, шутки в сторону, – вслух прибавил он поговорку отца.

Правее, на башне, вертится, машет своими рейками городской телеграф.

Телеграф похож на человека, ставшего в тупик, – то он напрасно вызывает к помощи, воздевая к небу руки, то хлопает себя по бедрам, то в недоумении разводит руками. Махнув в последний раз «рукой», телеграф безнадежно поник. Сигналы следовали так быстро, что Веня не успевал их разобрать. Наверняка ясно одно: передается на Бельбек¹⁷ и дальше депеша Меншикова¹⁸, главнокомандующего войсками на Крымском полуострове, самому царю в Петербург.

Веня устремляет взор на гору Бельбек, где стоит вторая после Севастополя башня телеграфа. Она четко рисуется на голубом небе. И там телеграф машет и разводит «руками», повторяя севастопольскую депешу. Третья вышка – на Альме, через 15 верст¹⁹, ее уже не видать. И так скачками через видимое расстояние несется, повторяясь сотни раз, одна и та же весть. Когда-то она достигнет туманных берегов Невы и телеграф на башне Зимнего дворца повторит то, что в беспокойстве и смятении проговорил напуганный телеграф за тысячу верст, в Севастополе!

Сейчас там, около Питера, наверное, дождь и туман. Где-нибудь депеша светлейшего князя Меншикова застрянет, упершись в стену непроницаемой туманной мглы. От Севастополя до Новгорода будут знать депешу слово в слово все сигналисты. А в Новгороде она полежит! Переписанная на гербовом бланке, она долго будет лежать перед начальником телеграфа на столе. Он запрет дверь на вышку и будет держать там взаперти сигналиста, чтобы тот не разгласил раньше времени известие, адресованное царю, чтобы никто не узнал (хоть бы сам губернатор!) грозной вести.

¹⁵ *Семафор* – устройство для передачи информации на дальние расстояния при помощи световых сигналов.

¹⁶ *Корнилов Владимир Алексеевич* (1806–1854) – русский вице-адмирал. С 1851 г. командующий Черноморским флотом, руководил подготовкой обороны Севастополя. Убит при первой бомбардировке города.

¹⁷ *Бельбек* – название горы и реки в Крыму, впадающей в Черное море.

¹⁸ *Меншиков Александр Сергеевич* (1787–1869) – светлейший князь, русский адмирал. В Крымскую войну главнокомандующий в Крыму (1853–1855).

¹⁹ *Верста* – старая русская мера длины, равная 1,07 км.

Пуская колечки трубочного дыма, начальник телеграфа сидит и улыбается, довольный, – никто в столице, даже сам император Николай I²⁰, еще не знает содержание депеши, что лежит здесь, на столе. А он, начальник телеграфа, знает. Поглядывая то на первые слова: «Всеподданнейше Вашему Императорскому Величеству доношу», то на подпись «князь Меншиков», начальник телеграфа пустил густое облако дыма на самую середину бумаги, чтобы скрыть и от своих собственных глаз секретное сообщение, поспешно спрятал депешу в пакет, надписал на нем: «За непрохождением действия фельдъегерем²¹ в Санкт-Петербург в собственные руки Его Императорского Величества», – запечатал пятью сургучными печатями – четыре маленькие по углам, посредине одна большая, все с двуглавыми орлами. И уж фельдъегерь с депешей в сумке на бешеной тройке помчался сломя голову в туман...

– Подвысь!²² – бешено рывкнул фельдъегерь, увидя закрытый шлагбаум у Нарвской заставы.

Проворный инвалид²³ бросился бежать и поднял черно-белое бревно. Тройка ринулась, промчалась по улицам столицы, птицей подлетела ко дворцу. Фельдъегерь через три ступеньки взбежал по лестнице мимо всех, прямо к дежурному свиты его величества генерал-адъютанту. Генерал засеменял по паркету к дверям царской спальни и стукнул в дверь. В испуге царь вскочил с постели и вышел. Генерал подал ему депешу. Николай I сломал печати, развернул бумагу.

У царя задрожали пальцы.

«Сего числа неприятельский флот англичан, французов и турок в составе 60 кораблей, 30 пароходов и множества транспортов с войсками, всего до 300 вымпелов, подошел к Севастополю».

²⁰ Николай I (1796–1855) – российский император (1825–1855).

²¹ Фельдъегерь – курьер при правительстве в военном звании.

²² Подвысь! – Поднять!

²³ Инвалид – здесь: отслуживший срок в армии солдат.

Первая победа

Наташа вышла из дома посмотреть, что это Веня притих на крыше, не случилось ли чего еще. А Веня сидит на гребне крыши и, уткнув голову в колени, спит.

Сестра окликнула его тихонько, опасаясь, что он встрепенется спросонок и скатится вниз.

– Заснул, сердечный! А гляди, что деется на море... Гляди!..

– И не думал спать вовсе!

– А что у нас деется, не видишь. Ты гляди, что на море-то, милый! – сказала Наташа и, зевнув, ушла в дом.

Грохнула пушка. Веня протер глаза и увидел, что это с Павловской батареи. Кольцо пушечного дыма убежало с батареи в море по-над волнами навстречу какому-то пароходу; кольцо растрепалось и полетело пушинкой по ветру назад. Веня сразу узнал, что пароход чужой – у нас на флоте нет такого фрегата²⁴ – длинный, трехмачтовый, двухтрубный, винтовой. Под всеми парусами и под парами чужой фрегат весело бежит, чуть вея из белых труб дымком. За кормой стелется белый шлейф пены. Пушка не остановила парохода. Он идет, не меняя курса, прямо ко входу в бухту...

– Берегись, наша! – закричал Веня в сторону рейда. – На брасах²⁵ не зевай!..

С рейда навстречу чужому пароходу выбежал наш с подобранными парусами.

Веня с первого взгляда узнал, что это «Владимир».

– Ага! Развел-таки Тришка пары. А говорил – «антрацит». Валяй, наша! Бери на крючья! Пошел на бордаж²⁶! – поощрял Веня «нашу», притопывая по крыше ногами.

Ему кажется, что он стоит не на крыше, а на капитанском мостике парохода и держится не за печную трубу, а за холодный медный поручень.

Волна брызжет на бак «Владимира» пеной. Чужой фрегат все ближе. Веня видит, что там команда побежала по вантам²⁷. Через минуту чужой скомандует «право на борт», обронит паруса, круто повернет и даст по «Владимиру» залп всем бортом. Веня уловил маневр коварного врага.

– Носовое! – кричит Веня комендору²⁸ носовой бомбовой пушки, приставив кулак рупором ко рту. – Бомбой пли!

Рыгнув белым дымом, мортира²⁹ с ревом отпрыгнула назад. На чужом пароходе рухнула верхняя стеньга³⁰ на первой мачте. Чужой фрегат убрал паруса, но не успел повернуться для залпа, как Веня скомандовал:

– Лево на борт! Всем бортом пли!

«Владимир» повернул и дал залп всем бортом. Веня приставил кулак к левому глазу зрительной трубой и увидел: чужой сделал поворот и, не дав залпа, пошел в море, держа к весту³¹.

– А-а, хвост поджал! Струсил! Ура, братишки! Наша взяла! Ура!

²⁴ *Фрегат* – трехмачтовое военное судно с одной орудийной палубой.

²⁵ *Брасы* – снасть бегучего такелажа, служащая для развертывания паруса в горизонтальном направлении.

²⁶ *Абордаж* – сцепка двух кораблей в битве и рукопашный бой матросов.

²⁷ *Ванты* – толстые смоляные веревки, которые держат мачту с боков.

²⁸ *Комендор* – звание матроса в русском военно-морском флоте (с нач. XVIII в.) и некоторых иностранных флотах – специалиста по стрельбе из корабельных орудий.

²⁹ *Мортира* – артиллерийское орудие с коротким стволом. Применялось с XV до середины XX в.

³⁰ *Стеньга* – второе колено мачты, ее надставка в высоту, от марса до салинга.

³¹ *Вест* – запад.

И кажется Вене, что до него долетает после гула бортового залпа «ура», подхваченное командой «Владимира»... Но поручень мостика внезапно выскользнул из рук Вени. На крутой волне качнуло так, что «Владимир» зарылся носом, и Веня, не устояв на коньке крыши, кувырнулся и покотился кубарем вниз. Не успев схватиться за желоб, запутался в лозе, увешанной черными гроздьями винограда, и спрыгнул на землю...

– Во как у нас! Ура! – Веня вскочил на ноги и кинулся внутрь дома.

В прохладном сумраке у окна Наташа проворней, чем всегда, перебирала коклюшки; она как будто решила сразу доплести широкое – шире холста – кружево, а плела она его уже третий год!

– Чего это палили? – спокойно и тихо спросила Наташа, не поднимая головы от подушки, утыканной булавками.

– Чего палили?! Эх ты! – возмущенный равнодушием сестры, воскликнул Веня. – К нам на рейд чуть-чуть английский пароход-фрегат не ворвался!

– Ах, милые! – притворилась, чтобы угодить братцу, встревоженной Наташа. – Да ну?

– Ну-у?! Я приказал «Владимиру» прогнать его... «Владимир» как ахнет: пали левым бортом! Бац! Бац, бац!

– Ах, милые мои! – повторила Наташа и, подняв голову, улыбнулась брату: – А ты не убился, с крыши валясь?

– С какой это крыши? Я на салинге³² у «Владимира» на фок-мачте³³ сидел со зрительной трубой. Я первый ведь и увидел чужого!

В оконнице от гула дальнего выстрела звякнуло стекло. Еще и еще... Три пушечных удара, похожих на деловитый успокоенный лай крупного пса.

– Пойти поглядеть, – сказала Наташа, бросив коклюшки.

Веня бежит впереди сестры на волю. Через крыши в море далеко виден чужой пароход, направляющийся поспешно к весту. А «Владимир», послав три снаряда вслед убегающему врагу, повернул обратно, закрыл пары, поставил паруса и, окрыленный удачей, возвращается в бухту.

– Вот как мы вас! – кричит Веня.

– Да уж от тебя попадет и туркам, и англичанам, и всем! – обнимая и целуя брата, говорит с улыбкой Наташа.

Отщипнув ягодку винограда с ветки, Наташа попробовала и сказала:

– Пора виноград резать... Пойдем-ка, милый, в горницу – я буду кружево плести, а ты мне сказку скажешь.

– Сестрица, я не хочу сказывать сказку, я сбегаю на Графскую пристань – посмотрю, не попало ли во «Владимир».

– Нельзя, батенька не велел!

– А ты ему не сказывай.

– Он и так узнает.

– А я сам убегу.

– Я тебе убегу! Идем, Венька.

Наташа хватает Веню за руку и тащит в дом. Он упирается, рвется, кричит...

– Что за шум, а драки нет?! – воскликнул, входя во двор, матрос в бушлате и высоких сапогах.

– Стрёма, здорово! – кричит Веня. – Ура! Вот как их «Владимир»-то...

Наташа отпустила руку Вени – он кинулся к Стрёме и начал его тормошить и дергать.

– Здорово, братишка!

³² Салинг – вторая площадка мачты на ее втором колене – стеньге.

³³ Фок-мачта – передняя мачта на судне.

Матрос отстранил Веню рукой, снял шапку и поклонился:

– Здоровеньки ночевали, Наталья Андреевна?

– Спасибо. Как вы?

– Благодарим покорно, ничего...

– По делу к батеньке или так?

– Дельце есть до вас самой, Наталья Андреевна.

– Какие же могут быть у вас до меня дела, Петр Иванович? – потупив взор, спросила

Наташа.

Стрёма надел шапку, посмотрел на стену, увитую лозой, и сказал:

– Созрел у вас виноград-от. Пора сымать...

– Как маменька велит.

Стрёма посмотрел внутрь своей шапки, где на доньшке написан номер «232» и фамилия «Стрёмин».

Наташа лукаво улыбнулась:

– Коли дело есть, говорите. Мне некогда: надо кружево плести... Пожалуйста в хату, – пригласила Наташа.

– Дело-то есть, – говорил Стрёма, не решаясь следовать за Наташей. – Шли мы мимо – в штаб нас послали, так по пути... Очень желательно взглянуть на вашу работу. Уж очень хорошо у вас выходит взволнованное море и корабли.

– Это дело маленькое... Да ведь вы уж сколько раз глядели. Посмотреть не жалко. За показ денег не платят... Веня, – обратилась Наташа к брату, – ты слазь-ка на крышу, посмотри чего еще...

Веню не так просто поддеть на крючок.

– Да, на крышу! А только что бранилась, что я упал...

Сообразив, что можно поторговаться, Веня прибавляет, подмигнув матросу:

– Я бы на Графскую вот сбегал, пока у вас тары-бары-разговоры, да ты не велишь.

– Пускай братишка сбегает! – просит Стрёма Наташу.

Она нахмурилась:

– Нельзя. Бывайте здоровеньки.

Повернулась и ушла, не затворяя двери.

– А ты иди, не бойся! – шепнул матросу Веня.

Крутой бейдевинд

Стрёма шагнул вслед за Наташей в дом. Веня последовал за матросом. Наташа уже сидела у окна за работой. Стрёма остановился у нее за спиной и, глядя на ее тонкие пальцы, вздохнул:

– Дивная работа!

На синем фоне подушки в сплетении тончайших нитей рисовались пять кораблей. Они весело неслись под крепким ветром на раздутых парусах по курчавым волнам, а в прозрачной глубине моря вслед кораблям дельфины, кувыркаясь, показывали из воды блестящие хребты.

– Крутой бейдевинд³⁴! – вздохнув, определил Стрёма ветер по тому, как стояли паруса на кораблях Наташи. – Все паруса до места! До чего все верно!

– Сидайте, что стоите! – ласково пригласила Наташа.

– Да нам некогда, собственно говоря... В штаб нас послали, а мы дорогой...

– Да ты уж садись! – сердито приказал Веня матросу.

Матрос опустил на скамью перед Наташей.

Тишину нарушали только постукивания коклюшек да вздохи матроса. Наташа, подняв голову, улыбнулась и спросила:

– Какие теперь дела на флоте, Петр Иванович?

– Дела – как сажа бела! Братишки, собственно говоря, воют от злости. Да и как же? Неприятель подходит к берегу в больших силах. Готовит высадку...

– Да много ли можно высадить народу с флота? Сомнительно что-то, Петр Иванович!

– Напрасно изволите сомневаться, Наталья Андреевна. Английский флот огромный. У них на борту шестьдесят тысяч человек. Собственно говоря, целая армия!

– А вы бы не давали им к берегу подойти, эх вы! – с укором посоветовал Веня. – Вот как «Владимир».

– И адмиралы, и господа офицеры, и команды точно так и думают: не давать им высаживаться. Собирались адмиралы вечер. Владимир Иванович³⁵ говорит: «Боже, что за срам! Неприятель подошел в огромных силах к крымским берегам, а славный Черноморский флот стоит на рейде, загорожден бонами³⁶! Надо выйти в море и разбить неприятельский флот. И все транспорты с войсками сжечь и потопить».

– Столько-то народу, батюшки! Ведь люди тоже! – сказала Наташа, не поднимая головы от работы.

– До драки все люди. А когда к вам в окошко, Наталья Андреевна, ползут...

– Бог с вами, Петр Иванович, какие вы страсти говорите! Пальцы стынут.

Коклюшки перестали стучать.

– Я бы так на месте и умерла, – подумав, прибавила Наташа.

– А я бы, – воскликнул Веня, – схватил утюг да того, кто ползет, утюгом по башке! Не пугайся, Наталья!

– Ты у меня одна надежда! – улыбаясь брату, проговорила Наташа и начала опять плести свое кружево.

– Малые дети и то свой дом застоять хотят. Однако, Наталья Андреевна, будьте покойны: у вас найдутся и помимо Вени, кто желает защитить ваш покой, – с чувством проговорил Стрёма, прижав шапку к сердцу.

– А Павел Степанович о чем говорил с адмиралами? – спросила Наташа.

³⁴ *Бейдевинд* – курс парусного судна при встречно-боковом ветре, когда угол между продольной осью судна и линией направления ветра меньше 90°.

³⁵ *Владимир Иванович*. – Речь идет о контр-адмирале Истомине (1809–1855). Он командовал линейным кораблем в Синопском сражении (1853). Руководил обороной Малахова кургана в Севастополе и там погиб.

³⁶ *Боны* – плавучие заграждения.

– Ну, он-то, сомненья нет, согласен с Владимиром Ивановичем. Он так говорил: «Севастополь – это наш дом. Дело моряка – на море». И я скажу: а все-таки плох тот моряк, кто о берегу не помнит. На море мы дом наш бережем. На то и берег называется. Например, взять меня. В Синопском бою³⁷, прошлым летом, мы затем турецкий флот разбили и сожгли, чтоб они к нам не пожаловали вместе с англичанами. Я во время самого боя из крюйт-камеры подавал картузы³⁸. Крюйт-камера – это, дозвоьте объяснить, пороховой погреб.

– Она знает, – кивнул Веня.

– Люк на палубу открыт. Бомба ударила, изорвала, зажгла у орудия занавеску. Лоскутья смоляного брезента в огне к нам в крюйт-камеру посыпались...

– Я вас про Нахимова спрашиваю, а вы, Петр Иванович, про себя! Мы уж про ваше геройство довольно знаем, – лукаво улыбаясь, молвила Наташа.

Стрёма вспыхнул, ударил шапкой о скамью и закричал:

– Что Павел Степанович, то и я! Всё одно! Выйти в море и лучше погибнуть в бою, чем бесславно умереть на мертвом якоре в порту! Бывайте здоровеньки, Наталья Андреевна, – неожиданно закончил Стрёма, вскочив на ноги. Нахлобучив шапку, он шагнул к двери.

Веня загородил дорогу:

– погоди, Стрёма, доскажи!.. А ты уж будь добренькая, Наташенька, дай ему все сказать... Порох-то в крюйт-камере взорвался?

Стрёма остановился и усмехнулся:

– Кабы взорвался, так и нам бы с тобой тут не говорить! И надо мной твоя сестрица бы не издевалась. И «Мария» наша полетела бы в небо ко всем чертям! А с ней и сам Павел Степаныч, а с ним триста человек...

– А ты что сделал, Стрёма? – настойчиво требовал ответа Веня.

³⁷ *Синопский бой*. – 18 (30) ноября 1853 г. русская эскадра под командованием адмирала Нахимова разгромила турецкую эскадру в Синопской бухте (Северная Турция).

³⁸ *Картуз* – мешок с зарядом пороха для пушки.

Огонь в кюйт-камере

Стрёма как бы нехотя снова опустился на скамью перед Наташей и, не спуская глаз с ее дрожащих пальцев, продолжал:

– Пускай они не желают слушать, а для тебя, Веня, я доскажу, коли ты забыл.

– Совсем не помню! Ничегошеньки!

– Неужели? Ну ладно. Вижу я: пылают смоленые лоскутья, корчит их огонь, как берёсту³⁹ в печи. Братишки – к трапу! «Стой! Куда?!» Люк я задраил моментально. И остались мы с братишками в кюйт-камере с пылающим огнем. Триста пудов⁴⁰ пороху! Кричу: «Хватай, ребята!» Схватил я лоскут голыми руками, смял, затоптал. Замяли, затоптали огонь – не дали кораблю взорваться. Сами чуть от дыма не задохнулись. Открыли люк. А наверху и не догадался никто, что у нас было. «Давай порох! Чего вы там – заснули, что ли?»

– Покажи ладони, Стрёма, – попросил Веня.

Стрёма сунул шапку под мышку и протянул ладони с белыми рубцами от ожогов.

– Наталья, смотри! – приказал Веня сестре.

Наташа посмотрела на руки Стрёмы. Губы ее свело звездочкой, будто она попробовала неспелого винограда.

– Как вы могли на такое дело пойти, Петр Иванович... Желанный мой! – прибавила она, уронив голову на руки. Из глаз ее полились слезы.

– Полундра! – прокричал Веня сигнальное слово пожарной тревоги.

– Не согласно морскому уставу! – поправил Веню Стрёма. – Когда в кюйт-камере огонь, пожарную тревогу не бьют, а, задраив люки, выбивают клинья, чтобы оную затопить. И помпы⁴¹ не качают... Напрасно слезы льете, Наталья Андреевна. У меня в груди бушует такое пламя, что его и паровой помпой не залить.

– И ты не по уставу – руками огонь гасил! – заметил Веня.

– Да ведь, чудак ты, подмоченным порохом пушки не заряжают! Имейте это в виду, Наталья Андреевна.

Наташа перестала лить слезы, вытерла глаза и опять принялась за работу.

– Наталья Андреевна! – воскликнул Стрёма. – Оставьте в покое свои палочки на один секунд. Решите нашу судьбу. Довольно бушевать огню в моей груди!

– Чего вы желаете от меня, Петр Иванович?

– Мы желаем быть вашим законным матросом!

– Что вы, что вы! Очень круто повернули. Пора ли такие речи говорить? Война ведь. При вашем, Петр Иванович, горячем характере вас убьют, чего боже упаси, и я останусь вдовой матросской... Радости мало!

– Эх, Наталья Андреевна! Ну, когда так, будьте здоровы, Наталья Андреевна!

– И вам того желаю, Петр Иванович!..

Стрёма ушел разгневанный.

Веня вскочил, закурился по комнате, кинулся обнимать сестру:

– Молодец, Наталья! Как ты его! Чего выдумал: свадьбу играть...

– Самое время! – отстраняя брата, сквозь слезы пробурчала Наташа. – Отвяжись! Поди на двор, что ли! Погляди, чего еще там.

Веня выбежал на улицу и крикнул вслед Стрёме:

– Напоролся на мель при всех парусах!

³⁹ *Берёста* – наружная часть коры березы.

⁴⁰ *Пуд* – старая русская мера веса, равная 16,38 кг.

⁴¹ *Помпа* – машина для накачивания или выкачивания жидкостей, газов.

Стрёма не оглянулся. Навстречу ему шли с двуручной корзиной намытого белья мать Наташи, Анна Могученко, и ее дочь Хоня.

Матрос снял перед ними шапку и прошел дальше. А женщины уже собирались поставить на землю тяжелую ношу, чтобы отдохнуть и поболтать со Стрёмой.

– Чего это Стрёма был? – спросила мать Веню, входя во двор.

– Свадьбу играть хочет!

– Ахти мне! Аккурат в пору!.. Давай, Веня, веревки – белье вешать.

Веня достал с подволоки⁴² веревки и начал с сестрой Хоней протягивать их тугими струнами по двору. Он влез на березку и, захлестнув веревкой ствол, оглянулся на мать.

– Сколько раз тебе говорить: не лазь на дерево, не вяжи за березу – на то костыли⁴³ есть. Вот я тебе! – сердито кричит Анна.

Веня с притворным испугом спрыгнул с березы.

Мать вошла в дом.

– Обрадовал жених тебя, Наталья?

Дочь молча кивнула, подняв на мать красные, заплаканные глаза.

– Чего ж ты будто не рада?

– Не смейтесь, маменька, и без того тошно до смерти.

– Я не смеюсь. До смеху ли! Что ж ты ему сказала?

– Что я могла сказать?! Ведь убьют его! Вот у Хони в Синопе жениха убило...

– Эко дело – убьют! Я за твоего батюшку шла – не думала не гадала, убьют иль что. Наглядеться не успела, а у него отпуск кончился. Я Михайлу родила в тот самый день, когда батенька под Наварином⁴⁴ сражался с турками. Ранило, а жив остался. Да мы с тех пор еще сколько детей народили! Наше дело матросское уж такое.

– Маменька, так ты велишь мне за Стрёму сейчас идти?

– Воля твоя.

– Да ведь куда мне идти, коли его убьют на войне?

– В отцовский дом придешь, не выгоним...

– Маменька, свет мой ясный! – радостно воскликнула Наталья и залилась слезами.

Со двора послышались голоса. Мать выглянула за дверь и со смехом сказала Наташе:

– Еще жених пришел!

⁴² Подволока – чердак.

⁴³ Костыли – здесь: деревянные колья или столбы с перекладиной для сушки белья.

⁴⁴ Наварин – В Наваринском сражении 8 (20) октября 1827 г. русско-англо-французский флот разгромил в Наваринской бухте (Южная Греция) турецко-египетский флот.

Высадка неприятеля

Веня на дворе, визжа от восторга, приветствовал нового гостя:

– Митя! Ручкин! Слушай... Какие депеши передавали? Что царь – получил депешу?

Ответил князю?

– Погоди, Веня, твой черед потом. Дай мне поздороваться да потолковать с Февроньей Андреевной...

– Со мной много не наговорите, Митрий Иванович, – ответила Хоня. – Подите в горницу – там маменька с Наташей.

– А мне с вами более приятно... Вот вы какую иллюминацию наделали! Будто на флоте по случаю Синопской победы.

И правда: двор, увешанный разноцветным бельем, напоминал корабль, расцвеченный флагами в праздник. Хоня сжала губы, отвернулась от Ручкина и ушла в самый дальний угол двора.

– Экий я олух! – вслух выбранил себя Ручкин, спохватившись, что напрасно упомянул о Синоп сражении, и вошел в дом. Веня – за ним.

– Шел я мимо с дежурства да думаю: зайду по пути... – объяснил Ручкин свое посещение, улыбаясь во все лицо.

– Нынче, видно, к нам всем по пути будет, – ответила Анна. – Скоро, поди, Мокроусенко с Погребовым⁴⁵ пожалуют.

– Стрёму я встретил... Видно, тоже у вас был? Да что-то идет расстроенный.

– Да чему радоваться-то? Ты один сияешь, как медный таз, словно тебя бузиной натерли.

– Дела, конечно, не веселят, пока, однако, нет места и для печали... А Мокроусенко я тоже видел: он и точно говорил – надо зайти с Ольгой Андреевной повидаться.

– Вчера на бульваре видались, – промолвила Наташа.

– Время военное. Час за сутки считать можно. Вчерась кто бы думал, а сегодня англичане в Евпатории высадку сделали!..

– Полно врать! – оборвала Ручкина Анна.

– Мне врать не полагается, Анна Степановна, я человек присяжный. Сам депешу с Бельбека принимал и своей рукой на бланке князю Меншикову адресовал... Комендант Браницкий отступил из Евпатории по дороге на Симферополь⁴⁶... Англичане высадили три тысячи человек при двенадцати пушках.

– Что ж майор ушел без боя? Стыдобина какая!

– А что он мог поделать? У него команда слабосильных в двести человек. Против такой-то силы! Английский адмирал подошел к городу на пароходе и пригрозил сжечь город, если не сдадут.

– Что же князь-то делает?

– Князь армию бережет. Армия стоит на реке Альме, заняв позицию. С сухого пути к флоту не подступиться. Да и место открытое. Князь так думает: пускай все на берег вылезут, мы тут их и прихлопнем.

– А князь-то тебе говорил, что думает? – с насмешкой спросила Анна.

– Самолично с ним беседовать не пришлось, а все идет через наши руки. И своя голова у меня на плечах есть, могу понять! У нас на телеграфе...

⁴⁵ В XIX в. на Украине и в Крыму в общении люди иногда употребляли украинские формы русских фамилий – с различными суффиксами (см. далее: Погребов – Погребенко, Могучий – Могученко).

⁴⁶ *Симферополь* – центральный город в Крыму (Украина) на реке Салгир. Основан в 1784 г.

– А ты бы поменьше болтал, что у вас на телеграфе! – резко сказала вошедшая в дом Хоня.

Ручкин обиделся и смолк. А ему-то как раз хотелось именно теперь, когда появилась Хоня, похвастать тем, что он знал.

Наташа принялась снова стучать коклюшками. Хозяйка у печи, не обращая на Ручкина внимания, словно его и нет, чем-то там занялась. А Хоня прошла мимо Ручкина два раза так, будто он ей на дороге стоит.

– Бывайте здоровеньки! – сказал обиженный Ручкин.

– Что мало погостили?

– Да ведь так, мимоходом.

Ручкин еще ждал, что женское любопытство свое возьмет и его остановят и станут спрашивать. Но женщины молчали.

Веня взял гостя за руку и сказал ему тихонько:

– Чего ты с бабами разговорился! Ты мне расскажи. А им где понять такое дело... Пойдем, я тебя провожу!

Четыре сундука

Ручкин окинул еще раз взором комнату. По четырем ее стенам стояло четыре сундука с приданным четырех дочерей Могученко: Хони, Наташи, Ольги и Марины. От сундуков в горнице было тесно. У Хони даже не сундук, а порядочных размеров морской коричневый чемодан, кожаный, с горбатой крышкой, с ременными ручками, окованный черным полосовым железом, – подарок крестного отца Хони, адмирала Нахимова. Хороший, емкий чемодан с двумя внутренними⁴⁷ замками. Чемодан отмыкался маленьким ключиком. И Ручкин знал, что ключик этот Хоня носит вместе с крестом на шнурке.

У Наташи приданое хранилось в большой тюменской укладке, окованной узорной цветной жстью с морозом.

Ольгин сундук выше всех – простой, дубовый, под олифой, сработан в шляпочной мастерской Мокроусенко.

Видно, что шляпочный мастер делал сундук с любовью. Для глаза неприметно, где щель между крышкой и самим сундуком. Мокроусенко хвастался перед Ольгой, что если этот сундук при крушении корабля кинуть в воду, то и капли воды в него не попадет, сундук не потонет и выйдет сух из воды.

У Марины, младшей дочки Могученко, сундук всех нарядней: полтавская скрыня⁴⁸ на четырех деревянных колесцах. Видом своим и размером скрыня напоминала вагонетку из угольной шахты: книзу уже, чем сверху, только скрыня с крышкой. Все четыре бока скрыни и верх выкрашены нестерпимо яркой киноварью⁴⁹ и расписаны небывалыми травами и цветами. А колесца синие...

Ручкину нравились все четыре давно знакомых сундука. Да и сестры ему нравились, все четыре. Ручкин не сомневался, что, если он присвадается, за него отдадут любую из четырех. Но которую? Ольгу? Пожалуй. А Мокроусенко? Марине нравится верзила Погребов.

Нет, Хонин чемодан лучше всех. Хорошо породниться с его превосходительством! «Рекомендую, моя супруга – крестница адмирала Нахимова». Каково!

И Ручкин, окончательно остановив взор на коричневом чемодане, думает о том, что адмирал, наверное, выхлопочет ему и чин, и орден.

Мысли Ручкина обращались очень быстро, быстрее, чем о них можно рассказать словами. Постояв с минуту в раздумье, Ручкин спохватился, что надо уходить, и, подняв голову, встретился взглядом с Анной.

– А, видно, тебе, Митя, очень полюбился Хонин чемодан? – спросила она.

Ручкин вздохнул и ответил:

– Я глубоко уважаю Февронию Андреевну и, конечно, посчитал бы за счастье. Деликатность мне не позволяет. И еще так свежа их сердечная рана...

Анна рассмеялась:

– Я и говорю, что присвадается! Хоня, пойдешь за него?

Все повернулись к Хоне. Она сложила руки на груди и ответила:

– Пойду, когда немного подрастет.

От гнева и стыда Ручкин чуть не заплакал.

Телеграфист выбежал из комнаты. Напрасно за ним гнался Веня, умоляя рассказать о том, что делается у Старого укрепления, где высадились французы и англичане. Широко шагая, Ручкин скрылся за поворотом улицы.

⁴⁷ *Нутряной* – внутренний.

⁴⁸ *Скряня* – сундук (*укр.*).

⁴⁹ *Киноварь* – минерал класса сульфидов красного цвета.

В доме Хоня с матерью кричат и бранятся. Лучше не подвергиваться им под сердитую руку, и поэтому Веня решил снова забраться на крышу.

Ничего и с крыши не видно. От дымного облака за мысом не осталось и следа. Море в серебре от мелкой зыби. Рыбачьи лодки с острыми, как у турецких фелюг⁵⁰, парусами возвращаются в бухту, пользуясь легким ветром с моря. К закату настанет тишь, а вечером задует береговой ветер и будет дуть всю ночь до восхода. И рыбаки на утренней заре с береговым ветром, как и вчера, пойдут в море... Сегодня они возвращаются рано. Испугались англичан или угадали непогоду? На рейде мирно веют вымпелы.

Семафор опустил крылья. Городской телеграф застыл в унылой неподвижности.

Тишина и покой тревожат Веню. Он зорко смотрит вдаль.

Сын матроса знает, что тишь притворна, – все притаилось, как зверь перед прыжком, и беспечный ветер, по-летнему ласковый и теплый, вдруг беспокойно затрепетал, поворачивая к зюйду⁵¹. Над морем к норд-норд-осту завязалась темень, но это не дым. По морю от края неба к берегу пробежало темное пятно. Рыбачьи лодки запрыгали по ухабам волн и все легли на правый борт под ударом шквала. Он долетел до берега, взвился перед кручами прибрежных скал, подняв серую тучу пыли. В лицо Вене ударило холодным песком. Закрутились листья. Вместе с листьями, кувыркаясь, летели вороны. Шквал прошел, но море шумело ворчливо. За первым шквалом второй, третий – шквалы слились в непрерывный свежий ветер.

Море почернело. Не прошло и четверти часа, как темный полог затянул небо. Скрылось солнце. Секущий дождь ударил в лицо Вене. Море грозно загудело. В гул его вплелись, мерно повторяясь, словно выстрелы пушечного салюта, удары прибоя. Волна вошла в рейд. Верхушки мачт закачались. Дождь прибил пыль. Хоть Веня продрог и промок, ему не хочется покинуть вышку, он ждет, что на море появятся паруса неприятельских судов: ветер им благоприятен. А наши корабли не могут выйти навстречу. Чего доброго, на рейд прорвутся под парусами брандеры⁵² и подожгут корабли.

Нет, море пустынно. Дождь затягивает даль. Веня не видит ни моря, ни неба: все скрылось в серой мгле. Видимость в море сейчас два-три кабельтова⁵³, не больше. Самый отважный адмирал – сам Павел Степанович – в такую погоду не решится атаковать незнакомые берега. Лучше уйти в море. Наверное, так поступили и англичане с французами: ушли в море, не успев высадить все войска и выгрузить пушки... У Вени отлегло от сердца.

⁵⁰ *Фелюга* – небольшое парусное промысловое судно.

⁵¹ *Зюйд* – юг.

⁵² *Брандер* – судно, нагруженное горючими и взрывчатыми веществами, которое поджигали и пускали по ветру на неприятельские корабли.

⁵³ *Кабельтов* – единица длины, применяемая в мореходной практике, равная 185,2 м; трос окружностью 15–35 см для швартовов и буксиров.

Шквал

Во двор вбежала в брезентовом бушлате Маринка.

– Веня, что мокнешь! Слазь! – крикнула Маринка на ходу.

Маринка вихрем влетела в горницу, сбросив бушлат, упала на скамейку и, зажав между коленами руки, сквозь звонкий хохот лепетала:

– Маменька, сестрицы... Погребенко! Ох! Не могу! Ха-ха-ха! Идет!

– Куда идет?

– Идет, идет, маменька, милая! Сюда идет. За мной идет... Я по мосту – он за мной. Я бегом в гору – он за мной. Я в улицу – он за мной. Спрячьте меня, милые, куда-нибудь...

Маринка вскочила, с хохотом схватила мать за плечи, закружила, повернула лицом к двери и спряталась у нее за спиной.

В комнату вошел, сняв шапку, матрос. Две красные пушечки, накрест нашитые на рукаве бушлата, показывали, что матрос – комендор.

– Здравия желаю всему честному семейству! – весело сказал матрос.

Веселый голос его не вязался с нахмуренным, строгим лицом.

– Здравствуй, Погребенко, здравствуй, – ответила за всех мать. Ее голос, жесткий и суровый, противоречил открытому, веселому взгляду.

Марина, прижавшись лицом к матери, щекотала ей спину губами, вздрагивая от немого смеха.

– Зачем пожаловали?

– Нам желательно Марину Андреевну повидать. Кажись, будто она в дом вошла.

– Негу, матрос, ее дома! Не бывала еще.

– Шутите или нет, Анна Степановна? Как будто видел я...

– Не верьте глазам своим.

– Конечно, она у меня всегда в глазах: и днем, наяву, и ночью, во сне, – все ее вижу.

Марина подтолкнула мать навстречу матросу. Он попятился к двери.

Анна закричала, наступая:

– Что это, матрос, ты за девчонкой по улицам гоняешься? Али у тебя иных делов нет?

– Так ведь, Анна Степановна, она сама меня просила к обеду на мостике быть и обещала свое слово сказать...

– Какое еще такое слово у девчонки может быть?

– Скажу при всех без зазрения: я им открылся вполне. Они обещали мне сегодня, лишь три склянки⁵⁴ пробьют, на мостике встретиться и дать ответ: любят они меня или нет.

– Согласна! Люблю! – прошептала в спину матери Марина и боднула ее головой.

Анна от этого толчка нагнулась кошкой, готовой прыгнуть, и закричала:

– Ах ты, бесстыжий! В доме три невесты на выданье, а он за младшей бегаёт!

– Про меня, маменька, не говорите, – отозвалась Хоня, – я сестрам не помеха.

Погребенко посмотрел на Хоню, взглядом умоляя помочь ему.

Наташа, не обращая внимания на то, что делалось около нее, перебирала коклюшки.

Веня, войдя в комнату вслед за Погребенко, дрожал от холода и восторга, следя за этой сценой. Он то садился на скамью и оставлял на ней мокрое пятно, то обегал вокруг матери, хватая Маринку за платье, то кивал Погребенко, указывая ему, где надо искать Маринку, то кидался к Наташе и нашептывал ей на ухо, давясь от смеха:

– Вот чудак! Никак не догадается, где Маринка! А она ведь за маменькой...

⁵⁴ *Склянки* – удары в колокол (одна склянка равна получасу).

– Да ну? – шепотом ответила брату Наташа, не поднимая от работы головы. – Ты поди ее толкни.

Веня кинулся к матери и толкнул Маринку.

– Вот она где! Погребенко, держи ее!

Марина обхватила мать по поясу руками.

– Ступай, сударь! – отпихнув Веню рукой, крикнула Анна. – У Марины еще и приданое не наложено. Скрыня у ней пустая!

Маринка толкала мать в спину, но Погребенко, улыбаясь, держал руки по швам, будто вытянулся перед командиром на борту корабля, и не хотел отступить ни на пядь⁵⁵.

Веня крикнул ему:

– Верно: у ней пусто! Вон гляди!

Веня бросился к Маринкиной скрыне, поднял ее за ручку, стукнул колесцами об пол и толкнул – скрыня покатила по полу. Марина за спиной матери звонко захохотала.

Лицо Погребенко вспыхнуло солнцем от ее смеха.

Хоня, ласково светя глазами, вздохнув, тихо сказала:

– Он ее и без сундуков возьмет. Счастливая моя Маринушка!

– Правильно сказать изволили, Февронья Андреевна, – серьезно подтвердил Погребенко, – не в сундуках счастье.

– Видать, моя младшенькая из всех четырех дороже... – вздохнув, молвила Анна и с грустью прибавила: – Ты у меня, Алексей Иванович, стало быть, самое дорогое хочешь взять? Не отдам!

– Не отдадите – сам возьму!

Погребенко побледнел, глаза его гневно сверкнули.

Марина, смеясь, выглянула из-под мышки матери, как цыпленок высовывает голову из-под крыльев клуши. Она, сияя, смотрела в лицо комендора и так тихо, что почти сама не слышала, шептала:

– Приходите нынче вечером на музыку на бульвар!

– Бывайте здоровы! Прощайте, Марина Андреевна...

Погребенко попятился к двери и исчез за ней.

– О-ох! – вздохнула Анна Степановна. – Одного только Мокроусенко недостает... Ах!

⁵⁵ Пядь – старая русская мера длины, равная 17,78 см. В современном русском языке встречается в переносном смысле – «пядь земли», «ни пяди».

Глава вторая

Бомба

Анна всплеснула руками. Не успела затвориться дверь за Погребенко, как снова тихо приотворилась, и в комнату просунулась голова Мокроусенко.

– Чи можно, чи нельзя? – спросил Мокроусенко, хитро прищуриваясь.

Веня схватил дверь за скобу и потянул к себе, стараясь придавить шею Мокроусенко.

– От як? – удивился Мокроусенко. – То-то мне Погребенко сказав, що лучше б... – И он запел приятным голосом:

Лучше б было, лучше б было
Не ходить,
Лучше б было, лучше б было
Не любить!

Ой, Венька, задавил совсем! Не дайте, добрые люди, погибнуть христианской душе без покаяния! Отпусти, хлопче!

– Не пускай, не пускай его, Веня! – кричала Марина. – Дави!

Мокроусенко закатил глаза и захрипел.

«Притворяется!» – догадался Веня. Но ему стало жалко Мокроусенко. Мальчик выпустил скобу, и в комнату за головой Мокроусенко продвинулись боком его широкие плечи, а затем, вертя шеей, вошел и он весь. В горнице стало сразу тесно от его крупного, громоздкого тела.

Он отвесил низкий поклон Анне, касаясь мокрой шапкой пола.

– Добрый день, Анна Степановна!

Потом он отвесил по такому же поклону первой Хоне, потом – в спину Наташе, не такой уж низкий, затем кивнул Марине. Вене погрозил пальцем:

– Ой, попадись ты мне, хлопче, на тихой улице!

– Сидайте, – пригласила Анна, – гостем будете. Если вы, Тарас Григорьевич, пришли до Ольги, то ее, видите сами, дома нет...

– Зачем до Ольги, я ее уже видел. Вас лицезреть было мое желание, Анна Степановна.

Да кабы кто не знал, чудеснейшая Анна Степановна, что вы им мамаша, то, ей-богу, сказал бы: вот две сестрицы.

Он указал левой рукой на Хоню, правой – на Анну.

– Чего это вы меня старите! – сердито отозвалась Хоня.

– Маменька, – воскликнула Марина, – он тебя хвалит, а сам на свой сундук глаза скосил!

– Мой сундук! Да никогда ж я не думал, что он мой, Анна Степановна! Я за дверью был, все слышал. Вот дурни! В такие великие дни свататься! Не затем к вам Мокроусенко является. Как бы сказать, чтобы вам угодить и себя не обидеть? Мокроусенко к вам с благородным намерением явился. Думаю, уж наверное, Могученки укладываются. Добра у них много. На три мажары⁵⁶ не укладешь. Надо все связать, поднять – не женское это дело...

– Укладываться?... Куда?! Зачем?! – в один голос вскричали встревоженные мать и дочери.

⁵⁶ *Мажара* – крымская большая арба.

– Да как же ж! Ведь неприятель высадился, это уже не секретное дело. Чуть не полста тысяч. И пушек множество... С сухого пути он нас достигнет не завтра, так через неделю. Затем и дали им вылезть на берег, чтобы прихлопнуть сразу. На море их не возьмешь: у них, слышно, чуть не половина кораблей на парах. Если уж его светлость дал им на берег высадиться, так и до города допустит...

– Неужто, милые мои?!

– Да как же ж? У них все войска со штуцерами⁵⁷, на тысячу шагов бьют прицельно. А наши – дай боже, чтобы на двести шагов. На всю армию у нас тысяча штуцерных, да и то по ротам, где по десятку, где по два десятка. Буду я дурень, если не припожалуют к нам на Северную сторону англичане, французы, турки...

– Мудрено им будет Северную взять! Там укрепление, – сказала Хоня.

– Не смею сказать ничего вопреки, ни одного словечка, Февронья Андреевна, – *укрепление*, так! Да какое это укрепление? Говорят люди, а я врать не стану: гарнизонный инженер прислал с Северной стороны о прошлой неделе князю рапорт. Пишет: «По вверенным моему попечению оборонительным укреплениям гуляет козел матроски Антошиной, чешет свои рога об оборонительную стенку, отчего стенка валится».

Женщины засмеялись.

– Ох, вы уж расскажете, Тарас Григорьевич, только вас послушать!

– Быть мне в пекле, если соврал! Мне писарь штабной читал. Он эту бумажку для смеху списал. Стенка-то, говорит, в один кирпич, а инженеры себе домики построили – что твой каземат: пушкой не пробьешь.

– Воровство!

– У нас на флоте воровства нет. Блаженной памяти адмирал Михаил Петрович Лазарев⁵⁸ на флоте дотла вывел.

Веня приоткрыл дверь и прислушался. На него никто не смотрел. Он раза три хлопнул дверью, чтобы подзадорить Мокроусенко.

– Сынок, брось баловать! – строго сказала мать.

– Я вижу, вы еще не взялись за сборы, – продолжал Мокроусенко, – а пора, пока дорогу на Бахчисарай⁵⁹ не загородили.

– Что вы нам советуете, Тарас Григорьевич, – чтобы мы, матросские жены да дочери, мужей да женихов бросили?!

– Об этом речи нет, драгоценная Анна Степановна. Плюньте мне на голову, если я такое хотел высказать. Нам с вами расстаться?! Кто помыслит такое? Я говорю про скарб... Добыто годами – и все в единый миг прахом пойдет: только одной бомбе в ваш домик попасть – все разлетится в пыль.

– Вот здорово! – с восторгом закричал из-за двери Веня. – А вдруг три бомбы?!

– Первую, хлопче, хватай – и под гору! Вторую шапкой накрой: пусть задохнется. Третью в лохань – нехай помоев хлебнет!

– А если бомба... – хотел еще что-то спросить Веня, стоя в приоткрытой двери, и вдруг кто-то рванул дверь, какая-то сила кинула его в горницу, и в дом влетела Ольга.

На ходу она подхватила и поставила на ноги Веню, с разбегу подскочила к печи, что-то переставила на шестке⁶⁰, задернула на челе печи⁶¹ занавеску, взглянула на себя в зеркало,

⁵⁷ *Штуцер* – нарезное солдатское ружье. В XIX в. во всех армиях заменено винтовкой.

⁵⁸ *Лазарев Михаил Петрович* (1788–1851) – русский мореплаватель, адмирал, совершил три кругосветных плавания, в том числе в 1819–1821 гг. в экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена, открывшей Антарктиду. В 1833–1850 гг. командовал Черноморским флотом.

⁵⁹ *Бахчисарай* – крепость в долине реки Чурук-Су, которая с XIII в. и до 1736 г. была столицей Крымского ханства. Теперь город в Крыму (Украина).

⁶⁰ *Шесток* – в русской печи площадка между устьем и топкой.

сорвала платочек с головы, пригладила руками пышные волосы, развязав свою косоплетку⁶², взяла ее в зубы и, переплетая конец перекинутой через плечо толстой, как якорный канат, пышной косы, на мгновение застыла.

Вихрь со свистом ворвался в комнату, захлопнул дверь, заколыхал занавески, распахнул окно и унесся на волю. Солнце, прорвав тучу, брызнуло в окно огненной вспышкой.

– Чего вы все пнями стоите?! – гневно крикнула Ольга. – Ой, лихо мне с вами! А я-то думала, все уж пошли...

– Куда пошли? – спросила, оторопев, Анна.

– Ах, «куда, куда»! Маменька, скажите, где у нас мешки?

– Зачем мешки тебе?

⁶¹ *Чело печи* – верхняя часть фасада русской печи.

⁶² *Косоплётка* – шнурок, тесьма, узкая лента, вплетенная в конец косы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.